

ИСТОРИОГРАФИЯ

О ПЕРВОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ*

В. Ф. ИНКИН, А. Г. ЧЕРНЫХ

Статьи акад. М. В. Нечкиной и Г. Д. Алексеевой, послужившие истоком дискуссии в журнале «История СССР», поднимают принципиальные вопросы развития советской историографии, выдвигают задачу изучения научного наследия советских историков. Появление обеих статей своевременно; они, безусловно, помогут активизировать усилия исследователей в устранении серьезных пробелов и недостатков, имеющих на этом важнейшем участке исторической науки.

Статья М. В. Нечкиной является первой попыткой подытожить и обобщить путь, пройденный советской исторической наукой за сорок с лишним лет. Периодизация, предложенная М. В. Нечкиной, и научная ее аргументация, в целом, по-видимому, не встретят серьезных возражений со стороны историков.

Хотелось бы, однако, изложить некоторые соображения по поводу конечной грани первого этапа развития советской историографии. М. В. Нечкина определяет его как время становления советской исторической науки, на протяжении которого велась успешная борьба против дворянско-буржуазной школы, осуществлялась значительная работа по оформлению и дальнейшей разработке марксистской концепции истории России, были собраны силы историков, созданы основные научные учреждения, воспитаны первые кадры молодых ученых. Этот этап датируется в статье М. В. Нечкиной 1917—1923 гг.¹ 1923 г. как рубеж первого этапа принимается и Г. Д. Алексеевой без какой-либо дополнительной аргументации.

Примерно так же (1917—1924 гг.) датировала первый этап развития советской исторической науки А. М. Панкратова в статье «Советская историческая наука за 25 лет». Однако содержание этого этапа в статье определяется иначе, чем у М. В. Нечкиной. По А. М. Панкратовой, в то время «почти на всех участках исторического фронта были еще живучи идеалистические и вульгарно-материалистические взгляды на историю. Руководство исторической наукой зачастую находилось в руках людей, далеких от марксизма. Научно-исследовательские учреждения и университетские кафедры истории возглавлялись нередко активными антимарксистами. Старые буржуазные историки иногда в своих трудах и лекциях открыто наступали на марксизм и высказывались против пролетарской диктатуры. В форме исторических исследований они вели на идеологическом фронте такую же упорную борьбу с про-

* Печатается в порядке обсуждения статей о периодизации истории советской исторической науки, опубликованных в № 1 журнала «История СССР» за 1960 г.

¹ «История СССР», 1960, № 1, стр. 86.

летарской революцией, какую вела вооруженная буржуазно-помещичья контрреволюция на фронтах гражданской войны»².

Оба определения представляются нам до известной степени односторонними: если А. М. Панкратова недооценивает первых успехов советской исторической науки, то М. В. Нечкина несколько преувеличивает их.

Ни М. В. Нечкина, ни особенно Г. Д. Алексеева не приводят убедительных фактов, которые бы свидетельствовали о том, что уже на первом этапе, т. е. до 1923 г., была проделана сколько-нибудь значительная работа по оформлению, а тем более по дальнейшей разработке марксистской концепции истории России. Если говорить о трудах В. И. Ленина и других выдающихся деятелей партии, то марксистская концепция истории России, как справедливо указывает М. В. Нечкина, разрабатывалась ими еще в дореволюционный период. Ленинские труды заложили незыблемую идейную основу для всего последующего развития советской исторической науки. Однако их первые советские издания, не говоря уже о дореволюционных, очень скоро становились малодоступными не только для широкой читательской массы, но даже и для работников идеологического фронта³. Первое же, далеко не совершенное, 20-томное издание Сочинений В. И. Ленина было выпущено по постановлению IX съезда партии только в период с 1920 по 1926 г.

Известны заслуги М. Н. Покровского в деле борьбы с дворянско-буржуазной историографией. В 1920 г. выходит его «Русская история в самом сжатом очерке», в 1924 г. — «Очерки русского революционного движения XIX—XX вв.», «Дипломатия и войны царской России в XIX в.» — в 1923 г. Однако эти работы, как с полным основанием оценивают их М. В. Нечкина и Г. Д. Алексеева, были далеки от марксизма. Сам М. Н. Покровский находился в плену мелкобуржуазных теорий, и нельзя не учитывать, что концепция его имела отрицательное влияние на развитие советской историографии и подготовку кадров марксистских историков (вплоть до начала 30-х годов), а ведь авторитет его, как одного из первых историков-большевиков, был непререкаем. М. Н. Покровский выдвинул ряд важнейших проблем (классовая борьба, история трудящихся масс, история революционного движения и др.), что составляет его заслугу, но в его трудах эти проблемы все же не получили марксистского решения.

Исследование вопросов истории дореволюционной России и всеобщей истории в 1917—1923 гг. было почти полной монополией ученых старшего поколения, которые либо оставались на старых антимарксистских и антисоветских позициях, либо, признав Советскую власть, лишь постепенно, в течение длительного времени, освобождались от буржуазной методологии.

Что касается многочисленных уже в те годы работ, посвященных истории революционной борьбы XX в., Октябрьской социалистической революции и первых лет Советской власти, то они носят преимущественно популярный, публицистический характер, основаны на личных впечатлениях и воспоминаниях⁴. Создание исследований по истории первых лет Советской власти тормозилось тогда узостью источниковедческой базы и тяжелыми условиями гражданской войны. В отношении 1923 г. еще нельзя говорить об утверждении в советской историографии марксистско-ленинской концепции истории Великой Октябрьской революции и первых лет социалистического строительства. Эта концепция выкристал-

² «25 лет исторической науки в СССР», М.—Л., 1942, стр. 12.

³ М. Е. Найденов. Великая Октябрьская социалистическая революция в советской историографии, «Вопросы истории», 1957, № 10, стр. 169.

⁴ См. там же, стр. 169—171; Г. Д. Алексеева. Возникновение советской исторической науки, «История СССР», 1960, № 1, стр. 94.

лизывалась в борьбе не столько с откровенно враждебной буржуазной, сколько с завуалированной мелкобуржуазной идеологией.

Критикуя в 1923 г. «Записки о русской революции» Н. Суханова, В. И. Ленин подчеркивал тем самым настоятельную необходимость покончить с мелкобуржуазными извращениями истории революционного движения в России⁵.

Борьба с буржуазной и мелкобуржуазной идеологией еще далеко не была завершена, она продолжалась вплоть до 30-х годов и особенно обострилась в 1924—1926 гг. в связи с выступлениями троцкистской оппозиции. В клеветнической брошюре «Уроки Октября», вышедшей осенью 1924 г., Троцкий пытался умалить роль В. И. Ленина, Коммунистической партии в подготовке и проведении социалистической революции в России, извратить историю вооруженного восстания. Ленинскому учению о социалистической революции Троцкий противопоставлял оппортунистическую теорию «перманентной революции». Победа социализма в СССР, пытался он доказать, невозможна в силу того, что рабочий класс России численно слаб и не может рассчитывать на крестьянство как на союзника, так как оно враждебно настроено по отношению к пролетариату. Проповедуя капитулянтскую теорию, троцкисты стремились тем самым изобразить социалистическую революцию в России ненужным экспериментом, лишенным смысла эпизодом.

XIII съезд, XIV партийная конференция и XIV съезд РКП(б) вскрыли антимарксистскую сущность теории «перманентной революции» и осудили троцкистскую оппозицию⁶. XV конференция РКП(б) в 1927 г., отмечая переход «новой оппозиции» к троцкизму в основном вопросе о характере и перспективах Октябрьской революции в России констатировала, что подобные взгляды не имеют ничего общего с ленинизмом и тождественны утверждениям лидеров социал-демократии типа Отто Бауэра⁷.

Троцкий и Зиновьев продолжали свою враждебную фракционную деятельность в партии вплоть до 1927 г. Борьба с социал-демократическим мелкобуржуазным уклоном в партии продолжалась и в последующие годы. В исторической литературе отголоски троцкизма были весьма живучи.

Разгрому мелкобуржуазной идеологии в огромной степени способствовали труды И. В. Сталина, которые, кстати сказать, в работе Г. Д. Алексеевой не получили подробного анализа.

В статье «Логика вещей» (1918 г.) И. В. Сталин обнажил контрреволюционную суть позиции троцкистов по вопросам о диктатуре пролетариата, Советах и Учредительном Собрании и изложил марксистско-ленинские установки по всем этим проблемам⁸.

И. В. Сталин первым определил истинную роль В. И. Ленина в Великой Октябрьской социалистической революции⁹. В работе «Октябрьский переворот и национальный вопрос» он подчеркнул всемирно-историческое значение революции в постановке и решении национального вопроса¹⁰. Разоблачению оппортунизма вождей II Интернационала, троцкистов и меньшевиков в крестьянском вопросе посвящена статья «Октябрьская революция и вопрос о средних слоях»¹¹.

Трудно переоценить значение сталинских работ («Об основах ленинизма», «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов», «Троцкизм или ленинизм», «К вопросам ленинизма») в разгроме троц-

⁵ См. В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 439.

⁶ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», изд. 7, М., 1953, ч. 1, стр. 782; ч. II, стр. 49.

⁷ Там же, ч. II, стр. 212, 320.

⁸ И. Сталин. Соч., т. 4, стр. 134—145.

⁹ И. Сталин. Соч., т. 4, стр. 305—315; т. 5, стр. 160—180.

¹⁰ И. Сталин. Соч., т. 4, стр. 155—167.

¹¹ И. Сталин. Соч., т. 5, стр. 342—348.

кизма и утверждении марксистско-ленинской концепции истории Октябрьской революции в советской исторической науке.

Следует отметить, что Г. Д. Алексеева недостаточно осветила разработку проблем истории советского общества в период 1917—1923 гг. Нельзя не учитывать роли, которую сыграли в этом деле труды виднейших деятелей Коммунистической партии и Советского государства — М. И. Калинина, Ф. Э. Дзержинского, Г. К. Орджоникидзе, С. М. Кирова¹² и других.

Нельзя признать удовлетворительным в статье Г. Д. Алексеевой и анализ ленинских работ, относящихся к истории Октябрьской социалистической революции и первых лет Советской власти. Автор ничего не говорит о том колоссальном значении, какое имело разоблачение В. И. Лениным буржуазных и мелкобуржуазных фальсификаций истории Октября и истории первых мероприятий Советской власти, закладывавших экономический фундамент социализма. В работе «Государство и революция» (август — сентябрь 1917 г.), в своих послеоктябрьских статьях и выступлениях В. И. Ленин снова и снова возвращается к этим вопросам, подвергая уничтожающей критике антинаучную, враждебную трактовку истории пролетарской революции в России Л. Мартовым, Н. Рожковым, Н. Сухановым, К. Каутским, О. Бауэром, Р. Макдональдом и др. В 1920 г. выходит «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». В этой работе В. И. Ленин, отстаивая всемирно-историческую значимость основных черт Октябрьской революции, разоблачает ошибочные позиции «левых» коммунистов в вопросах стратегии и тактики партии.

Труды В. И. Ленина положили начало изучению истории советского общества, обобщению опыта социалистического строительства в нашей стране. В. И. Ленин пишет о создании новых, социалистических производственных отношений, о повышении производительности труда, организации промышленности и социалистических преобразованиях в деревне, показывает огромное значение социалистического соревнования, определяет пути перехода к рабочему управлению, основные принципы расстановки кадров, раскрывает преимущества советского строя и т. д. В последних выступлениях и трудах 1922—1923 гг. В. И. Ленин начертал план построения социализма в нашей стране, кооперативный план вовлечения крестьян в социалистическое строительство, наметил задачи культурной революции и конкретные мероприятия по реорганизации государственного аппарата.

К сожалению, до сих пор в нашей исторической литературе отсутствуют монографические исследования о В. И. Ленине как основоположнике советской исторической науки.

Так обстояло дело с разработкой вопроса об истории Октябрьской социалистической революции и советского общества в исторической литературе 20-х годов. По мнению М. Е. Найденова, «потребовалось почти два десятилетия острой идейной борьбы для того, чтобы единственно научная концепция истории Великой Октябрьской социалистической революции, созданная В. И. Лениным и закреплённая в важнейших партийных документах, заняла прочное место в советской исторической науке»¹³.

30 июня 1931 г. ЦК ВКП(б) принял решение об издании «Истории гражданской войны», а первый том этого труда вышел в 1936 г.¹⁴.

¹² М. И. Калинин. Вопросы советского строительства, М., 1958; Ф. Э. Дзержинский. Избранные произведения, т. I, М., 1957; Г. К. Орджоникидзе. Статьи и речи, тт. I—II, М., 1957; С. М. Киров. Избранные статьи и речи (1912—1934), М., 1957.

¹³ М. Е. Найденов. Указ. статья, стр. 174.

¹⁴ Акад. И. И. Минц. Изучение истории Великой пролетарской революции и гражданской войны. «25 лет советской исторической науки», стр. 157—158.

В конце 20-х и первой половине 30-х годов советские исследователи приступили к изучению истории рабочего класса СССР. В 1930 г. стали выпускаться сборники «История пролетариата СССР», а в 1931 г. развернулась работа по созданию истории фабрик и заводов¹⁵. Первые обобщающие труды по истории рабочего класса (М. С. Балабанова, К. А. Пажитнова, А. Ельницкого и др.) появились в 1923—1926 гг. Однако они, по мнению специалистов, «в целом по своим установкам, особенно при исследовании революционного движения рабочего класса, не были еще марксистскими»¹⁶. Марксистская историография лишь со второй половины 20-х годов активизируется в изучении этой проблемы, равно как и проблем истории советского крестьянства, союза рабочего класса с крестьянством, восстановительного периода, гражданской войны и т. д.¹⁷.

Ленинская концепция и периодизация русского исторического процесса прочно утвердились в науке только в 30-х годах, в результате широких дискуссий, в ходе которых было доказано отсутствие рабовладельческой формации в Киевской Руси и отнесено к более раннему периоду зарождение феодализма на Руси. 30-е годы явились и началом марксистского этапа в изучении феодализма и крепостничества¹⁸. Ленинская концепция истории русского освободительного движения также закрепляется в советской историографии после 1933 г.¹⁹.

Статья Г. Д. Алексеевой проигрывает от отсутствия конкретных характеристик и анализа большинства перечисляемых в ней изданий, появившихся в 20-х годах. Ссылаясь на работы В. А. Быстриянского, С. А. Пиотковского, Н. Н. Батурина, Р. Арского, К. П. Новицкого²⁰, автор не вскрывает серьезных ошибок, допущенных в них. Простой перечень книг и статей не дает возможности составить правильное представление о состоянии советской исторической науки на начальном этапе ее развития.

Предлагаемая датировка этого этапа недостаточно соотносена с развитием и состоянием историографии в национальных республиках. Территория многих из них до 1920—1921 гг. оставалась ареной суровых боев с иностранной и внутренней контрреволюцией. Если к тому же принять во внимание специфические условия острой борьбы против буржуазно-националистической идеологии в национальных республиках, то едва ли можно говорить об утверждении там к 1923 г. марксистско-ленинской концепции отечественной истории²¹.

¹⁵ Д. А. Баевский, С. Р. Гершберг, А. В. Митрофанова. Об изучении истории советского рабочего класса, «Вопросы истории», 1959, № 12, стр. 21; Г. Я. Тарле. Ранний опыт организации собирания материалов по истории фабрик и заводов, «История СССР», 1959, № 2, стр. 70—72.

¹⁶ Л. М. Иванов. Состояние и задачи изучения истории пролетариата России, «Вопросы истории», 1960, № 3, стр. 53.

¹⁷ Е. Г. Гимпельсон. Некоторые вопросы истории Великой Октябрьской социалистической революции на местах, «История СССР», 1958, № 3, стр. 223; П. Н. Соболев. Вопрос о союзе рабочего класса и крестьянства в литературе по истории Октябрьской революции, «Вопросы истории», 1958, № 9, стр. 109; М. Ким, Г. Голиков. Некоторые вопросы разработки истории советского общества, «Коммунист», 1954, № 5, стр. 48.

¹⁸ И. И. Смирнов. Проблемы крепостничества и феодализма в советской исторической литературе, «25 лет советской исторической науки», стр. 94; А. М. Сахаров. Историография, отдельн. выпуск 50 тома БСЭ, 2 изд., М., 1957, стр. 552.

¹⁹ С. А. Шелудько. А. И. Герцен в советской историографии, «Из истории революционного движения в России в XIX — начале XX в.», М., 1958, стр. 104.

²⁰ Г. Д. Алексеева. Указ. статья, стр. 99.

²¹ См., напр., Ф. Е. Лось. Развитие историчної науки на Україні за роки радянської влади, в кн.: «Розвиток науки в Українській РСР за 40 років», Київ, 1957, стр. 35; А. С. Сумбат-заде. Развитие исторической науки в Азербайджанской ССР в годы Советской власти, «Вопросы истории», 1957, № 11; В. И. Пичета. История Белоруссии в советской историографии, «25 лет советской исторической науки», стр. 179—180; П. А. Ковалев, М. Х. Назаров, А. П. Савицкий. Книги по истории Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане, «История СССР», 1960, № 1.

Нельзя не учитывать и положение в области исторического образования. Создание новой, социалистической школы встречало на своем пути постоянное противодействие как сторонников старой, буржуазной системы просвещения, так и деятелей «левацкого» толка. В первые годы Советской власти преподавание истории велось по дореволюционным учебникам. В 1920 г. в связи с малочисленностью марксистских кадров и отсутствием новых учебников, а также под влиянием ошибочных установок М. Н. Покровского преподавание истории в высшей школе было сведено к минимуму, а в средней школе заменено «обществоведением», содержащим элементарные сведения о классовой борьбе, истории культуры, политической экономии, истории социализма, государственного права, экономической географии и пр. Эта так называемая «динамическая социология» не давала никакого представления об историческом процессе, ей был чужд конкретно-исторический подход к явлениям прошлого²². Конечно, внимание к вопросам классовой борьбы и истории непосредственных производителей имело в тех условиях положительное значение, так как наносило удар по буржуазно-монархическому содержанию старых учебных курсов. В целом, однако, советская система исторического образования к этому моменту еще не сложилась.

В резолюции XIII съезда партии (март 1924 г.) «О работе среди молодежи» указывалось: «По-прежнему весьма острым является вопрос обеспечения вузов марксистскими научно-преподавательскими силами. В большинстве спецвузов даже кафедры по общественным наукам заняты старой буржуазной профессурой. Необходимо употребить все усилия для скорейшего создания кадров профессоров-коммунистов». На этом же съезде подчеркивалась чрезвычайная важность интенсификации деятельности истпартов по составлению хронологии революционных событий и исторических хрестоматий. Съезд отмечал громадную потребность в работах по истории партии и Октябрьской революции²³.

В деле собирания сил марксистских историков предстояло сделать еще очень многое. Первая всесоюзная конференция историков-марксистов 1928—1929 гг. сыграла в этом деле определенную положительную роль, несмотря на большое влияние в этот период «школы» М. Н. Покровского. Нельзя не согласиться с В. Т. Ермаковым, который считает, что профессура окончательно повернула в сторону Советской власти «только в годы первой пятилетки, когда советский народ добился решающих успехов в строительстве фундамента социализма»²⁴. Характеризуя систему подготовки кадров в 20-х годах, следует отметить трудности, которые возникали в этом деле, и крупные недостатки в работе ИКП и РАНИОН. Подготовка научных кадров в этих учреждениях развернулась только с 1925 г.—с учреждением аспирантуры. Но все же и тогда ИКП и РАНИОН оставались, по словам А. В. Луначарского, лишь «украшением нашей системы народного образования»²⁵. Еще хуже была поставлена подготовка научных кадров в национальных республиках. Об этом говорят, например, данные по Средней Азии и, в частности, по Узбекистану, приводимые в статье Р. Х. Каримова²⁶.

Отрезок времени с 1917 по 1923 г. трудно характеризовать как более или менее заверченный этап в развитии советской исторической науки. Едва ли можно назвать крупные факты или явления в историко-

²² «Об историческом образовании в школе на современном этапе», «История СССР», 1960, № 1, стр. 4.

²³ «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 881, 891.

²⁴ В. Т. Ермаков. Рецензия на кн. В. Т. Галкина «Высшее образование и подготовка научных кадров в СССР». «История СССР», 1958, № 6, стр. 160.

²⁵ А. В. Луначарский. Проблемы народного образования, М., 1925, изд. 2, стр. 91.

²⁶ Р. Х. Каримов. Проблема кадров специалистов и строительство высшей школы в Узбекистане в годы первой пятилетки, «История СССР», 1959, № 6, стр. 20—21.

графии этого краткого периода, которые имели бы итоговое значение. Происходит неуклонное накопление элементов нового, но это скорее количественные, чем качественные изменения; происходит критическая переоценка буржуазного наследия, но нет еще прочной методологической основы, слабо вооружены кадры советских историков в борьбе против буржуазных и мелкобуржуазных концепций в историографии.

Об оформлении и тем более о дальнейшем развитии марксистской концепции истории России в начале 20-х годов говорить еще рано, она завоевала прочные позиции лишь в трактовке отдельных проблем отечественной истории, в то время в исторической науке господствовали ликвидаторские тенденции «школы» М. Н. Покровского.

В связи со всем сказанным 1923 г. в качестве замыкающей хронологической грани представляется невыразительным.

Возникает вопрос, какими фактами или событиями в историографии можно было бы подвести черту, первый итог реализации широчайших возможностей, открытых перед исторической наукой Великой Октябрьской социалистической революцией. По-видимому, речь идет о таких фактах, которые свидетельствовали бы о том, что марксистско-ленинская концепция заняла господствующее положение в исторической науке.

Только широкие задачи исторического синтеза, поставленные партией перед советскими исследователями в 30-х годах, огромная работа по созданию учебников истории для школ и вузов способствовали настоящей консолидации всех научных сил в борьбе за утверждение в науке марксистско-ленинской концепции.

В 1931 г. ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР решили восстановить преподавание истории в средней школе и издать учебники по этому предмету. На расширенном заседании Политбюро ЦК ВКП(б) в марте 1934 г., обсуждавшем вопрос об историческом образовании в СССР, было принято решение о составлении учебников по гражданской истории и восстановлении исторических факультетов.

Постановление партии и правительства от 16 мая 1934 г. положило начало новому этапу в развитии исторической науки и исторического образования в СССР. К этому же времени была решена в основном и проблема создания кадров историков-марксистов. Большую направляющую роль в разработке марксистских учебников истории сыграли замечания И. В. Сталина, С. М. Кирова и А. А. Жданова на конспекты учебников по истории СССР и новой истории. В этих замечаниях были четко определены хронологические рамки исторических периодов, задачи и содержание курсов, подчеркнута необходимость изучения истории России в тесной связи с историей народов, населяющих нашу страну, а истории СССР — в связи с мировой историей.

Таким образом, серьезные успехи в советской исторической науке были достигнуты только в 30-х годах. Хронологически они совпадают в основном с решающими победами культурной революции в СССР (1936—1937 гг.), неотъемлемым элементом которой и являлись эти успехи.

По нашему мнению, состояние советской исторической науки в 1917—1923 гг. не позволяет выделять указанный период в качестве самостоятельного этапа. Он был, на наш взгляд, составной частью более длительного, 16- или 18-летнего периода формирования и становления советской марксистско-ленинской исторической науки, который, думается, следовало бы ограничить рамками 1917—1934 или 1917—1936 гг.

